

Страна солнечных очков

— Вам нужен «Робинзон и сыновья», — сказал таксист, почесав смуглый подбородок.

— Кто? — удивился я.

— «Робинзон и сыновья», — повторил таксист. — Если хотите, я вас отвезу в Сингапур.

Я недоуменно посмотрел на топтавшегося рядом Костю.

— Но почему именно туда?!

— Так ведь Робинзон находится там! — ответил таксист. — Вы не бойтесь, я дорого не возьму.

— А сколько же вы возьмете? — спросил Костя, прищурившись.

— Недорого, — ловко ответил таксист.

Я внимательно осмотрел малайца.

Он был в национальном костюме: черной шелковой рубашке, белой юбке, надетой поверх черных брюк, и черной пилотке. На его машине под порывами теплого ветра трепетал флаг Малайзии. Видимо, таксист относился к числу малайских патриотов.

— Ерунда какая-то! — Я развел руками. — При чем тут Сингапур? Нам нужно в Камбоджу!

— Все правильно. — Таксист улыбнулся, и на солнце вспыхнули два ряда золотых зубов. — Я доставлю вас в Сингапур, а оттуда Робинзон отвезет вас в Камбоджу!

— Так, так, — сказал сердито Костя. — А что будут делать сыновья?

— Сыновья будут ему помогать. — Таксист невозмутимо поправил пилотку на голове. — Парусные суда требуют множества рук.

— Чего-чего? — удивился Костя.

— Рук. — Малаец показал нам свои растопыренные ладони.

— Каких рук? — спросил меня Костя по-русски. — О чем этот человек вообще говорит?

С трудом преодолевая порывы ветра, я развернул карту Юго-Восточной Азии.

— Погодите, но Сингапур же в другой стороне! Разве не проще через Таиланд?

Малайский таксист снова почесал подбородок, где, видимо, сосредотачивались его мысли, и задумчиво посмотрел на карту.

— Все так думают, но это о-очень большая ошибка! — Он покачал головой. — А потом эти люди въезжают в Таиланд, и что?

— Что?

— В Камбоджу они уже никогда не попадают!

Мы с Костей перевели озадаченные взгляды на изображение соседнего Таиланда.

— Там с вас снимут три, а то и четыре шкуры, — пояснил таксист. — Это о-очень дорогая страна!

— А вы не снимете? — спросил Костя с нескрываемым ехидством.

— О нет, нет! — замахал руками таксист. — Я почти не беру денег. Только на бензин!

— Ну что? — Я повернулся к Косте. — Поедем? Заодно посмотрим Сингапур.

Мой друг искоса поглядел на таксиста:

— Что-то он мне не нравится.

Вот этим Костя всегда отличался от меня. Мне обычно все нравится, а ему — нет. Ему не нравятся водители такси, вывески с названиями улиц, не нравится, что осень бывает осенью, а не зимой. Одним словом, ему не нравится обычное.

— Обычное — примитивно, — говаривал Костя, вздыхая, — а хочется чего-то эдакого!

И он выводил руками в воздухе какие-то кренделя, не в силах выразить свои чувства словами.

— Именно поэтому я и люблю редких животных!

Впрочем, иногда случалось, что и ему вдруг что-то становилось симпатично, и тогда, уж не знаю почему, это что-то не нравилось мне.

— Риск есть, — согласился я, оглядев малайский костюм. — Но это ведь дело такое...

— Какое?

— Благородное.

Я видел, что Косте тоже хотелось повидать Робинзона, этого старого морского волка, уж конечно с окладистой бородой и трубкой в зубах, познакомиться с его сыновьями, поплавать на парусной лодке по сверкающим тропическим волнам.

— Я сделаю вам скидку, — заманивал малаец, заметив наши явные сомнения. — Я даже повезу вас в ущерб себе!

— Зачем это? — Костя снова подозрительно прищурился.

— Люблю туристов! — Таксист еще раз блеснул скрытым во рту золотом. — Кроме того, вы — гости, а я — хозяин! Хозяин должен делать все, чтобы гостям было хорошо в его доме!

Этот последний довод окончательно сломил наше сопротивление.

— Ладно, поехали, — сказал Костя устало. — Хотя мне этот человек все равно не внушает доверия.

Но меня его опасения не трогали. За время знакомства с Костей я еще не встречал людей, которые бы вот так сразу ему понравились.

Договорившись о цене, мы погрузили чемоданы в багажник старого «мерседеса», расположились на потертых сиденьях и под внимательными взглядами дюжины других таксистов отбыли с парковки у аэропорта.

— А пока едем, я совершенно бесплатно расскажу вам о нашей замечательной стране! — сказал водитель. — Как бы в подарок. Итак, Малайзия располагается в Юго-Восточной Азии...

— Мы в курсе, — ответил Костя с заднего сиденья.

— Да? — Таксист с уважением посмотрел на нас. — Об этом редко кто знает из туристов. Вы не поверите, но многие до прилета к нам считают, что Малайзия находится в Африке! Ну, продолжим. Наше государство состоит из разделенных Южно-Китайским морем частей: Западной Малайзии на полуострове Малакка и Восточной — на северо-западе острова Калимантан.

— А мы в какой же части находимся? — Я оглядел машину, чтобы понять, куда тут пристегивается ремень безопасности.

— В Западной, — ответил водитель и надел черные очки.

Он вывел автомобиль на широкое шоссе, окаймленное рядами одинаковых пальм, и они стали поочередно отражаться в его очках.

— И что, много народу у вас живет? — спросил я, разобравшись наконец с ремнем.

— Население Малайзии — двадцать три миллиона! Пятьдесят процентов — малайцы, тридцать — китайцы и десять — индийцы.

Костя внимательно оглядел спину и затылок водителя.

— А к какой из этих групп, извините за любопытство, относитесь вы?

— К самой-самой большой! — Водитель бросил взгляд в зеркало заднего вида. — К малайцам!

Костя широко зевнул. А я посмотрел в окно. Там буйствовала зелень. В ней то и дело мелькали белые здания. Иногда за ними вспыхивала ослепительная морская вода. В этой стране, где все блестело и сияло, черные очки были средством первой необходимости.

— Малайзия омывается водами Южно-Китайского моря, а также морей Сулу и Сулавеси. — Таксист указал пальцем с золотым перстнем в окно. — Между прочим, обратите внимание, в малайском ландшафте преобладают невысокие холмы и горы.

Мы обратили. Машина уже выехала из города, и за окном побежали разнообразные возвышенности. Невысокие действительно преобладали.

Убедившись в этом, Костя подкрепил прежний зевок новым, более продолжительным.

— Слушай, командир, а долго ехать?

— Прилично. — Малаец не отрывал взгляда от дороги. — Вам будет интересно узнать, что площадь Малайзии триста тридцать тысяч квадратных километров!

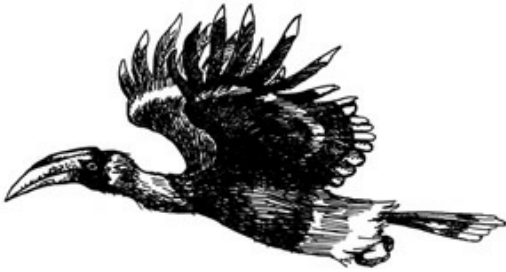
— Ну тогда я посплю, — сказал мой друг, устраиваясь поудобнее на заднем сиденье, — когда приедем к Робинзону, пусть его сыновья меня разбудят!

Вскоре невысокие холмы исчезли, уступив место лесам, но потом появились снова, образовав холмистые леса.

Водитель тем временем перешел от географии к истории своей страны:

— Первые государственные образования появились на севере полуострова Малакка. В пятнадцатом веке они были объединены Малаккским султанатом...

Над дорогой, сверкая толстым, тяжелым клювом, пролетела птица-носорог.

— История Малайзии полна драматических событий! С шестнадцатого века она находилась под пятой колонизаторов. И хотя на протяжении веков пяты менялись, большого облегчения нам это не приносило. Сначала пята была португальская, потом английская. Лишь в пятьдесят седьмом году провозглашена независимость Малайской Федерации от разных пят!

Шофер на секунду повернулся в мою сторону. Даже черные очки не помешали мне прочесть гордость и независимость в его взгляде. Я улыбнулся.

— У вас что, все таксисты так хорошо знают Малайзию?

— Большинство. Чтобы хорошо ездить по стране, нужно ее хорошо знать! Верно?

— Пожалуй.

Ландшафт больше не менялся, и невысокие холмы скоро приелись. Дорога стала скучной. Мало на ней было бодрящих поворотов, подъемов и спусков. Я начал задремывать под мерный рассказ водителя.

Во сне я увидел огромную пятку. Не могу сказать точно, но, вероятно, она принадлежала кому-то из колонизаторов. Сначала она просто парила надо мной, совершая какие-то угрожающие движения, а потом начала безжалостно топтать. Она давила все сильнее, сильнее, и в конце концов я проснулся. Оглядевшись, я понял, что мне давит на грудь слишком туго затянутый ремень. Ослабив его, я сел ровно.

— Основа отечественного сельского хозяйства, — продолжал свой рассказ таксист, — выработка натурального каучука. Также мы производим пальмовое масло, выращиваем какао-бобы, ананасы и перец. Кроме того, в нашей стране развито морское и речное рыболовство!

Я потер глаза и посмотрел в окно. Теперь там было только ослепительное море. По нему плавали маленькие кораблики. Они сверкали так, будто их охватил пожар.

Повернувшись ко мне, таксист добавил:

— А наши главные порты называются: Келанг, Джорджтаун и Куантан.

Вскоре машина покинула береговую линию и поехала мимо вновь возникших за окном белых тропических домов. Свернув несколько раз по улицам, где, казалось, ездили также одни старые «мерседесы», мы наконец остановились у длинного моста.

— Сингапур. — Водитель снял очки и посмотрел в зеркало заднего вида на Костю.

Я, перегнувшись через сиденье, потряс друга. Он с недовольным видом проснулся и, побряхтывая, вылез из машины.

— Уже приехали? А где же Робинзон?

Действительно, никого похожего на Робинзона тут не было. Вокруг ходили только безбородые малайцы, китайцы и индийцы. Все они поголовно были в черных очках.

— Робинзон в Сингапуре, — объяснил таксист, — а Сингапур там. — Он указал снятыми очками на мост. — Это государство в Юго-Восточной Азии, расположенное на одноименном острове, а также прилегающих мелких островах.

Над мостом колыхался подтверждавший эти слова транспарант с надписью «Добро пожаловать в Сингапур!».

— А как мы там найдем Робинзона? — Я вынул из открытого шофером багажника свой чемодан.

— О-очень просто! — Таксист засмеялся. — Робинзона все знают!

Костя мрачно посмотрел на водителя, но тот лишь сердечно улыбался, сверкая зубным золотом.

— Ну, тогда пока, командир!

Заплатив водителю и получив от него сдачу в несколько монет, мы пошли с чемоданами по мосту. Под ним, увлекаемые теплым ветром, проплывали белые яхты. На сверкающих палубах сингапурские миллионеры попивали апельсиновый сок. Иногда яхты были такими огромными, что еле проходили под мостом. Вероятно, они уже принадлежали сингапурским миллиардерам.

— Живут же люди! — вздохнул Костя, глядя с моста. — Был бы я миллионером, тоже бы купил яхту!

— Да ну, — я прищурился на солнце, — с яхтой возни много. Лучше катер.

Рассуждая, что лучше — яхта или катер, мы перешли мост и оказались у сингапура-малайской границы.

Там стоял полицейский в черных очках. Его мрачный вид совсем не вязался с трепетавшим над ним «Добро пожаловать!».

— Здравствуйте. — Костя с заискивающей улыбкой вынул из кармана паспорт. — Хорошая погода, верно?

— У нас всегда хорошая погода.

Полицейский взял наши документы и погрузился в их изучение. Через пару минут он поднял голову и посмотрел на меня. Я увидел свое отражение в его очках.

— Какова цель вашего приезда? — спросил он без всякой интонации.

— Видите ли, нам нужна компания «Робинзон и сыновья», — ответил я.

— Кстати, не подскажете, как ее найти? — Костя продолжал усердно улыбаться. — Нам сказали, что Робинзона тут все знают.

Полицейский перевел очки с меня на моего друга.

— Зачем он вам?

— Дело в том, — сказал Костя, — что мы едем в Камбоджу...

Полицейский озадаченно помолчал.

— Но это — Сингапур! — Он ткнул пальцем в колыхавшийся над ним транспарант.

— Все верно. Просто мы едем в Камбоджу через вашу страну, — объяснил я. — Транзит, понимаете?

— Понимаю. — Полицейский отвернулся от нас, включил рацию и по ней с кем-то стал разговаривать. Минут через пять, кивнув своему невидимому собеседнику, он вернул наши паспорта. — Такой компании в Сингапуре нет. Всего хорошего. — И, перестав нас замечать, полицейский стал смотреть куда-то за наши спины.

Бестолково потоптавшись у границы, мы снова потащились в Малайзию. На середине моста мы поставили чемоданы и стали смотреть на сияющую тропическую воду, по которой белыми лебедями скользили и скользили яхты. На палубе одной из них стоял бородатый человек с трубкой. Он вполне мог сойти за Робинзона. Суетившиеся рядом матросы сгодились бы ему в сыновья.

— Эй! — крикнул Костя. — Вы не Робинзон?

Бородач помахал нам рукой, и яхта скрылась под мостом.

— М-да, — вздохнул я, — делать нечего, попробуем через Таиланд, как сначала хотели.

— Я же говорил, что мне этот таксист сразу не понравился! — процедил Костя и швырнул в сияющие воды

полученную от водителя сдачу.

Приятных полета и аппетита!

Когда мы пересекли границу Таиланда, стояла глухая ночь. В небе сияли созвездия, а на земле, словно их отражения, горели многочисленные ресторанчики. Ветер шевелил лохматые пальмы, скрипевшие, как корабельный рангоут. Пройдя паспортный контроль, мы забрались в автобус и мигом уснули.

А когда открыли глаза, нас уже окружал огромный, запутанный Бангкок. Заметив, что пассажиры проснулись, водитель взял микрофон:

— Рад приветствовать вас в столице Таиланда! Трудно поверить, но в этом городе проживает шесть миллионов человек! Бангкок — главный морской и речной порт страны! Тут развита промышленность: рисоочистительная, лесопильная, бумажная, легкая, цементная, нефтеперерабатывающая, химическая...

Костя негромко зарычал и, заткнув уши, отвернулся к окну.

Бангкокский аэропорт оказался огромен, как и сам город. За гигантскими окнами роились сотни самолетов. Большие толпы людей метались по эту сторону стекла, пытаясь отыскать путь на свои рейсы.

Мы неслись вперед вместе с австралийцами, немцами и японцами, уже не понимая, куда и зачем мы, собственно, движемся. Австралийцы менялись на португальцев, японцы на финнов, а мы так и продолжали бежать по широким коридорам, увлекаемые стремительным людским потоком.

— Где наш самолет?! — кричал Костя, перекрывая многоязычный гул. — Мы тут его никогда не найдем! До вылета пятнадцать минут!

— Уеар из май плэйн? — почти рыдал небритый канадец в странной для тропических широт шапке-ушанке. — Даз самбоди ноу уеар из ит?

Вдруг сквозь вопли пассажиров мы услышали спокойный женский голос. Он сообщил, что самолет в Камбоджу ждет пассажиров у сто двадцать седьмых ворот.

Толпа вздрогнула, закричала и бросилась в левое крыло здания. Учítывая, что в этот момент мы находились у ворот номер пять, путь нам предстоял неблизкий. От быстрого бега уши на шапке канадца развязались, и она стала махать ими, словно крыльями. Казалось, что сейчас ее хозяин взлетит и унесется в Камбоджу без помощи самолета.

На ходу Костя бросил взгляд на часы:

— Восемь минут до вылета! Надо поднажать!

Мы поднажали, а следом поднажали и граждане прочих стран.

— Во ист майн флюгцойг? — кричал у нас за спинами какой-то немец.

Но нам не хватало дыхания, чтобы отвечать.

Когда, по моим ощущениям, мы внутри аэропорта уже пересекли весь город, перед нами наконец возникли нужные ворота. Свернув в них, мы прогрохотали по железному тоннелю и ввалились в самолет.

Едва мы заняли свои места, как он начал выруливать на взлетную полосу. Сунув сумки под сиденья, мы пристегнулись. Пейзаж за окном двигался все быстрее, но самолет почему-то никак не мог оторваться от земли.

— Тебе не кажется, что мы долго разгоняемся? — Костя попытался через меня заглянуть в иллюминатор. — Может, нас по ошибке посадили в автобус?

В этот момент то, на чем мы ехали, резко взяло вверх, и на мгновенье я почувствовал себя кем-то вроде Юрия Гагарина. Один из пассажиров, который после беготни утолял жажду

минеральной водой, промахнулся мимо рта и пролил ее на соседей. По проходу, гремя содержимым, прокатилась чья-то сумка.

Костя, судя по выражению его глаз, хотел как следует пройтись насчет экипажа, но тут самолет провалился в воздушную яму. Мой друг замер с окаменевшим лицом, которое отнюдь не делало наш самолет легче. Однако, проскакав по небесным колдобинам, он наконец снова принял горизонтальное положение.

Пассажир с пустой бутылкой извинялся по-японски перед облитыми соседями и предлагал им огромный носовой платок с драконами, которых страшно было поднести к себе. На лицо Кости возвратилось нормальное выражение.

Затем зашумели динамики. Мы приготовились к обычной информации о высоте и скорости полета, но вместо этого услышали отчетливое чавканье. Оно звучало минуты две, после чего чавкающий сказал:

— Говорит командир экипажа Ситтичай Вонгсават! Приветствую вас на борту самолета нашей прекрасной авиакомпании! Извините... — Тут он чем-то побулькал, видимо запивая еду. — Сейчас вам тоже будут предложены прохладительные напитки и легкая закуска! Желаю приятных полета и аппетита!

И действительно, не более чем через минуту по проходу рысью побежали стюардессы в национальных тайских костюмах. Они раздавали пассажирам пластиковые коробочки с едой.

— А летчики уже завтракают, — заключил Костя. — Как у них здесь все странно!

Тут одна из стюардесс передала и нам два комплекта еды.

— Постарайтесь съесть все быстро, — посоветовала она.

— Почему? — удивился Костя.

— До окончания полета пятнадцать минут!

Мы озадаченно переглянулись. Однако, поняв, что времени действительно не остается, мы вскрыли коробки и стали лихорадочно поглощать их содержимое, не понимая, что мы, собственно, едим.

А под самолетом уже плыли джунгли. Они забирались на холмы и сползали в ущелья, раскатывались вширь и убегали вдаль. Сверху лес напоминал затянутый зеленой ряской гигантский пруд. Над ним, как стрекозы, порхали яркие тропические птицы.

Тут опять зашумели динамики.

— Господа, — донеслось из них, — это снова я, Ситтичай Вонгсават. Будьте любезны, придержите, пожалуйста, вашу еду. Сейчас будем разворачиваться!

В следующий миг самолет наклонился, делая поворот, и мы смогли полюбоваться на джунгли, не отрываясь от завтрака. Правда, коробки с едой нам приходилось придерживать локтями.

— Джунгли? — Костя поглядел в иллюминатор одним глазом. — Жидковатые они какие-то.

Он, конечно, ожидал увидеть непроходимые заросли колониальных времен. Он надеялся на нетронутые леса, где не ступала ничья, по крайней мере, ничья человеческая нога. Он желал тайн и загадок. Но колониальная эпоха давно прошла. Заросли стали проходимыми. Тайны были открыты, загадки разгаданы, и леса с той поры трогали все кому не лень. Даже отсюда, с высоты, было видно множество бегущих через лес тропинок.

— Опоздали мы. — Оторвавшись на миг от завтрака, Костя покачал головой.

— Разве? — Я посмотрел на часы. — Летим точно по расписанию.

— Я не о том. Лет сто назад надо было прилетать. А теперь тут что делать? Теперь тут делать нечего!

Посмотрев в глаза моего друга, я увидел большую печаль по ушедшим временам.

Вдруг джунгли ухнули вниз и вспыхнуло солнце. Самолет накренился на другой бок, и мы увидели небольшую деревню. Через несколько минут ее сменила деревня побольше. Затем потянулись сплошные населенные пункты. Самолет потихоньку снижался. Пассажиры, осыпая себя и пол крошками, торопливо доедали завтрак. По салону снова прокатилась сумка. Вслед за ней побежали стюардессы. Не обращая внимания на протесты, они собирали только что розданные коробки с завтраком.

— Но я еще не все съесть! — возмутился немец, тряся красными толстыми щеками. — Вы разве не видите? Тут оставаться дер пирожок!

— Во время посадки есть категорически запрещено. — Стюардесса вырвала из его рук коробку. — Однажды в момент приземления таким пирожком покалечило нескольких человек и повредило двигатель!

— Дас ист безобразий! — Немец сердито стряхнул крошки с подбородка. — Почему у вас количество еды не совпадать с количеством полета? Я есть жаловаться!

Впрочем, он быстро забыл о своей угрозе, потому что в следующий миг самолет клюнул носом и понесся вниз. При этом, судя по звукам в динамиках, пилот продолжал доедать завтрак.

— Господи! — еле слышно прошептал Костя. — Почему он ест в такой момент?! Мы же разобьемся!

Судя по всему, остальных пассажиров эта ненормальная ситуация тоже тревожила. Особенно привлекал внимание прилипший к иллюминатору канадец, ушанка которого, как мне показалось, даже несколько выцвела от испуга.

Дома за иллюминаторами нарастали так быстро, словно их накачивали мощным насосом. Я уже легко мог различить номера на зданиях, но тут самолет выровнялся и через секунду покотился по земле.

Когда он остановился, в салоне наступила абсолютная тишина. Впрочем, спустя пару минут ее нарушил знакомый голос:

— Это снова я, Ситтичай Вонгсават. Надеюсь, вам понравился полет! Я и наша авиакомпания, мы вместе благодарим вас и желаем всего хорошего! — На прощание он икнул и отключился.

Повернувшись к другу, я вздрогнул от неожиданности. Этот рейс преобразил его почти до неузнаваемости.

— Никогда я не буду прежним, — пробормотал Костя, вытирая платком изменившееся лицо, — и никогда больше не полечу с этим обжорой.

Однако постепенно жизнь брала свое, а пассажиры брали сумки и неуверенным шагом направлялись к выходу. Мой друг тоже понемногу успокаивался, приобретая свой не самый идеальный, но вполне терпимый облик. Вслед за остальными пассажирами мы потихоньку выбрали на поле. Некоторое время мы молча шли за канадцем, который нес шапку под мышкой. Его открывшаяся миру лысина сверкала так, что по полю носились крупные солнечные зайцы.

— Интересно, что в Камбодже делают канадцы? — сказал вдруг Костя. — Представляешь, где Канада, а где Камбоджа!

Канадец оглянулся на звук его голоса и внимательно посмотрел на нас. «Интересно, — подумал, видимо, он, — что в Камбодже делают русские?»

Проволочный папаша

Паспортный контроль не занял много времени. Его, можно сказать, и не было. Изнывающий от жары кхмер прошелся печатями по нашим паспортам и утомленно сказал:

— Можете проходить в Камбоджу!

Удивляясь такому приглашению, мы вышли из аэропорта и, таким образом, вошли в Камбоджу. За порогом здания Костя поставил чемодан на горячую землю и стал обмахиваться паспортом. Я оглядел окрестный пейзаж. Вдруг от него отделилась небольшая часть и подошла к нам, превратившись в потрепанного дядю.

— Чего тебе, папаша? — спросил недовольно Костя.

— Куда едем, ребята? — ответил тот. — Беру мало, везу быстро! — И он разрезал воздух рукой, сказав при этом: — Вжик!

Мы внимательно оглядели дядю. Это был странный человек. Из его многочисленных карманов торчали пучки разноцветной проволоки, а в брюки вместо ремня был вдет толстый телефонный кабель. Его хотелось назвать Проволочным папашей.

— Не нравится мне этот тип, — заключил Костя по-русски.

— Само собой, — ответил я и повернулся к Папаше: — Нам бы в какой-нибудь недорогой отель. Есть такие на примете?

Папаша заулыбался, увеличивая и без того большое количество морщин на грязноватом лице.

— О, я знаю один прекрасный и совсем недорогой отель! В самом центре города, рядом с дворцом.

— С дворцом?! — обрадовался Костя. — Ну что же, пожалуй, этот человек не так плох!

— Да, да, — подтвердил Папаша, — это недалеко от главной помойки.

— Что? — Костя помрачнел. — Я не хочу жить у помойки!

— Но это же не какая-то помойка, а главная! — Папаша поднял указательный палец. — Большая честь жить возле нее!

— Стойте, — перебил его я, — а у вас нет отелей без помойки?

Папаша в раздумье почесал лысоватую голову:

— Если только где-нибудь на окраине поискать.

— Не понимаю, как может в центре города, да еще у дворца, быть помойка? — продолжал возмущаться Костя.

— Ничего, — попытался успокоить его я, — если не понравится, переселимся.

— Конечно не понравится! — Мой друг сердито посмотрел на Папашу. — Ну, где твоя машина?

— О! У меня прекрасная машина! — Папаша подхватил Костин чемодан и, наклонившись под его тяжестью, побежал к углу здания. — Она почти новая! Я только недавно поменял на ней седло!

Костя на ходу повернулся ко мне:

— Что он поменял? — Мой друг провел рукой по лбу. — Вероятно, я очень устал и уже не понимаю, что говорит этот человек.

— Может, он плохо знает английский и называет машиной лошадь? — предположил я.

Мы завернули за угол и остановились. Нет, это была не лошадь. Перед нами стоял старенький мотоцикл, который не рассыпался на части только потому, что они были связаны друг с другом кусками проволоки. Это был проволочный мотоцикл.

Я, сам не знаю почему, засмеялся. Очевидно, сказалось накопившееся переутомление.

Папаша тем временем вынул из кармана обрывок провода и стал прикручивать Костин чемодан к седлу.

— Лучшая машина в городе! — Он гордо посмотрел на нас. — Такой нет даже у начальника полиции!

Костя раскрыл было рот, но я толкнул его локтем:

— По-другому мы все равно не доберемся.

— Но мы тут все не поместимся! — воскликнул мой друг. — Мотоцикл же очень маленький!

— Нет, нет! Он только кажется маленьким. — Папаша выхватил у меня чемодан и начал суетливо привязывать его с другой стороны седла другим куском провода. — На самом деле он о-очень большой! Я вожу на нем всю свою семью! А у меня знаете какая семья?! Девять детей, жена и две матери!

— Как это — две матери? — удивился я.

— Моя мать и мать жены, — объяснил Папаша.

— Так, — сказал Костя. — У вас, надеюсь, есть жалобная книга?

Только человек, который провел сутки в самолетах, автобусах и такси, мог потребовать у камбоджийского мотоциклиста жалобную книгу. Только усталостью и

некоторой потерей связи с реальностью я объясняю этот печальный факт.

Но мотоциклист неожиданно ответил:

— О! Конечно, у меня есть эта книга! — Он с уверенностью похлопал себя по карману на груди. — В ней очень много предложений и совсем нет жалоб! Там расписываются самые почетные пассажиры! Но вам я ее не дам.

— Почему?! — несколько опешил Костя.

— Потому что вы напишете жалобу и все испортите.

В этих словах была своя, железная, я бы даже сказал проволочная, логика.

Не в силах бороться с Папашей, Костя махнул рукой и забрался на недавно поменянное седло. Конечно, дома, в Ташкенте, он бы действовал иначе: устроил бы скандал или, может быть, просто дал Проволочному папаше по шее. Но тут, в другой стране, он растерялся. Кто знает, может, так и положено, чтобы мотоциклисты имели жалобные книги, но никому их не давали? Теперь с Костей можно было сделать что угодно. Его даже можно было продать кому-нибудь в рабство, он бы и не пикнул.

— Сколько вы возьмете? — спросил я тем временем.

Папаша только отмахнулся:

— Пустяки! Даже смешно говорить!

— Точнее? — потребовал я.

— Двадцать долларов.

— Сколько?! — Я, видимо, сильно выпучил глаза, потому что вид у Папаши стал испуганный.

— Разве это много? — удивился он.

— За двадцать долларов мы пешком дойдем. Отвязывай чемоданы!

— Э-э! — Папаша вцепился в руку Кости, который попытался покинуть седло. — Ладно, пусть будет пятнадцать.

— Сколько?! Пятнадцать?! — Я схватил Костю за другую руку и тоже стал тянуть, стараясь вырвать из лап Папаши.

— Десять! — крикнул тот, пытаясь все-таки оставить моего друга на седле.

Ошарашенный столь неожиданным поворотом, Константин молчал и переводил изумленный взгляд с меня на кхмера.

— Десять? — Я дернул друга к себе.

— Пять! — завопил Папаша, упершись костлявыми коленями в мотоцикл.

Увидев, что мы наконец достигли приемлемой цены, я необдуманно отпустил руку товарища. Не ожидавший этого Папаша сдернул Костю с седла, и они вместе рухнули на землю. Сверху на них упал мотоцикл.

Как раз в этот момент из-за угла вышел наш знакомый канадец. По-королевски обмахиваясь ушанкой, он стал с интересом смотреть на происходящее. Солнечные лучи, отраженные его лысиной, сплетались в яркую световую корону.

Искося поглядывая на него, я поднял мотоцикл и помог встать другу. Костя, морщась, потирал ободранное проволокой ухо.

— Пять так пять, — сказал он. — Только поехали скорее, а то перед мировым сообществом неудобно.

Мы кое-как разместились на «машине», со скрежетом проехали мимо канадца и выбрались на шоссе.

Хотя Папаша управлял мотоциклом молча, его обращенная к нам спина непрестанно двигалась, явно пытаясь донести до нас недовольство нашей скупостью. Ее движения были столь красноречивы, что их хотелось назвать мимикой. Стараясь отвлечься от этих безмолвных жалоб, я стал смотреть по сторонам.

Мы ехали среди других мотоциклистов, и по мере приближения к городу их становилось все больше. Глядя на встречный поток транспорта, я подумал, что, вероятно, Папаша не так уж врал насчет грузовых возможностей своего железного, вернее проволочного, коня. На некоторых мотоциклах кхмеры ехали целыми семьями вместе со всем своим имуществом и скотом. В толпе на колесах мелькали и щеки младенцев, и седые бороды стариков. Ездоки сидели

друг на друге, как акробаты, создавая высокие раскачивающиеся пирамиды.

Тут Папаша повернул ко мне свое потрепанное лицо:

— Если добавите два доллара, я расскажу об истории нашей замечательной столицы.

Костя сердито выглянул из-за моего плеча:

— Я дам еще доллар, если ты замолчишь!

Папаша с готовностью кивнул. И действительно, до конца пути голова его соблюдала тишину. Зато спина Папаша, судя по всему, от головы не зависела и продолжала свои странные движения, видимо тоже стараясь заработать. Но платить ей отдельно никто не собирался.

Между тем я возобновил наблюдения. Вдоль дороги стояли невысокие грязноватые дома, в основном двухэтажные. На обочинах длинными грядами лежали кучи мусора, где преобладала кожа кокосового ореха. Между куч, словно огромные тропические цветы, то и дело вырастали яркие зонтики, под которыми люди с аппетитом обедали, орудуя китайскими палочками. На заднем плане вспыхивали и гасли золотые треугольники пагод. На магазинах, помещавшихся в первых этажах зданий, висели аляповатые вывески. Под ними продавали буквально все: от бананов до мотоциклетных покрышек.

Но вот мы покинули шоссе и свернули в узкий проулок. Разбрызгав лужу, наш мотоцикл проехал между особенно высокими кучами мусора, сделал замысловатую фигуру и, не то заскрипев, не то заржав, снова выскочил на открытое пространство. Мы оказались в центре города.

Миновав несколько улиц, мотоцикл проехал по набережной Меконга и наконец остановился у гостиницы «Счастливый турист». На вывеске у входа был изображен человек в европейской одежде и с азиатским лицом. Он действительно имел счастливый вид. Рядом с ним стояли чемоданы, которые, как ни странно, тоже улыбались.

Спрыгнув с мотоцикла, я стал отвязывать прикрученный проволокой багаж. Однако мой друг слезал с седла куда дольше меня. Кое-как он отделил себя от мотоцикла и со страдающим видом принялся растирать поясницу.

Папаша тем временем озабоченно осматривал своего «рысака». Он подкрутил какую-то развязавшуюся от тряски проволоку и деловито сказал:

— Шесть долларов. Пять за дорогу и один за то, что я честно молчал. А знаете, как трудно молчать, когда так много знаешь?

Конец ознакомительного фрагмента.
Приобрести книгу можно
в интернет-магазине
«Электронный универс»
e-Univers.ru